

ИЗМЕНА ВСЕГДА ОБРЫВАЕТСЯ
СВИНЦОВОЙ ТОЧКОЙ

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

ОТВЕТНЫЙ ПРИЕМ

Спецназ КГБ

Александр Тамоников

Ответный прием

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Ответный прием / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2023 — (Спецназ КГБ)

ISBN 978-5-04-192955-8

Роман о напряженной работе специалистов уникального подразделения КГБ. От мозгового штурма при подготовке секретной операции до реальной схватки с коварным противником в любой точке земного шара – путь, который по силам только мужественным и преданным своему делу профессионалам. 1970 год. На закрытом советском полигоне создана новейшая система противоракетной обороны. Один из участников проекта, Геннадий Хустов, инсценировав собственную смерть, бежит с копиями секретных чертежей за границу, надеясь выгодно продать их западным спецслужбам. КГБ узнает о планах перебежчика и отправляет на его поиски группу «Дон» во главе с подполковником Вячеславом Богдановым. Он разрабатывает хитроумную операцию по предотвращению контакта Хустова с заокеанскими «покупателями». Все идет по плану, пока в руки спецназовцев не попадает уникальный документ, разработанный секретным отделом ЦРУ... «Романы А. Тамоникова – о настоящих мужчинах, для которых понятия доблести, чести и долга – не пустой звук». – В. Колычев Общий тираж книг А. Тамоникова – более 10 миллионов экземпляров.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-192955-8

© Тамоников А. А., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	19
Глава 3	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Александр Тамоников

Ответный прием

© Тамоников А.А., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Глава 1

Казахская ССР, Государственный научно-исследовательский испытательный полигон № 10 Министерства обороны СССР, 9 июня 1970 года

Земли Казахстана по праву считаются уникальными в своем роде. Само происхождение наименования «Казахстан» включает в свое название элемент «стан», что в переводе означает «земля, место, область». Самый привередливый путешественник не сможет назвать казахские земли скудными на чудеса: равнины, степи, тайга, каньоны, холмы, дельты рек, заснеженные горы и пустыни – выбирай что душе угодно.

Кенгей-Алатау покажет величественные горные пики. Две гряды протянулись с запада на восток от Алматы до Иссык-Куля. Гостей Казахстана привлекают неприступные горные ледники, красивые горные реки, очаровательные долины. Чарынский каньон, древнейший и красивейший из всего, что можно увидеть, выставляет напоказ причудливые формы ландшафта, которые принимает ярко-красный песчаник под воздействием ветра и воды. Катон-Карагай может похвастаться национальным природным парком и заповедником.

Озеро Балхаш второе по величине непересыхающее соленое озеро после Каспийского. Красивое озеро, величественное и загадочное. Озеро разделено полуостровом на две равные части, только вот вода в них разная. В западной части пресная, а в восточной – соленая. Для такой загадки предки обязательно должны были придумать легенду. И придумали. И звучит она так.

Когда-то у богатого чародея Балхаша была красавица-дочь. Звали девушку Или. Пришло время выдавать дочь замуж, и Балхаш объявил, что отдаст ее только за самого богатого, красивого и сильного. И испытания, как водится, придумал. Свататься к Или приехали два сына китайского императора, которые привели два каравана, груженные дорогами товарами; сыновья монгольского хана; молодые бухарские купцы и скромный бедняк-пастух. Разумеется, все испытания пастух прошел с легкостью, победив и бухарцев, и сыновей императора, но не захотел Балхаш отдать свою дочь за пастуха, выгнал его взашей. А дочь взбунтовалась и сбежала с пастухом. Только вот отец-то ее не просто так чародеем считался. Взял, да и превратил возлюбленных в две горные реки, а чтобы воды этих рек никогда не соединились, Балхаш упал между ними и стал седым от пенных волн озером. Так и текут воды вдоль полуострова: соленые – слезы дочери, пресные – тоска пастуха.

И лишь степям Бетпак-Дала, расположенным к северо-западу от озера Балхаш, похвастаться особо было нечем. Скучный мелкосопочник, унылая пустыня с бурыми почвами, надоевший саксаул. Чем тут похвастаешься, что противопоставишь красотам горной гряды или красивой легенде о великой любви? Противопоставить нечего. Вернее, так было раньше, до того, как советские ученые решили, что степи Казахстана как нельзя лучше подходят для осуществления глобальных задач.

После окончания Великой Отечественной войны правительству страны стало ясно, что без должной защиты по всем направлениям военного искусства столица СССР всегда будет уязвима для нападения извне. Такое положение вещей не могло устроить действующую власть, и перед Министерством обороны была поставлена задача разработать систему противоракетной защиты Москвы, да такую, о которой другие страны даже не мечтали. И лучшие умы страны начали работу над решением поставленной задачи. Конечно, не все шло гладко, были взлеты и падения, удачи и разочарования, но спустя десять лет после победы над фашистскими

захватчиками ученые разработали уникальную систему противоракетной обороны, получившую скромное рабочее название «Экспериментальная система ПРО «А».

Для проведения испытаний экспериментальной системы ПРО «А» в пустыне Бетпак-Дала Казахской ССР с 1956 года шло строительство Государственного научно-исследовательского испытательного полигона (ГНИИП) ПВО № 10. Полигон был отдан в подчинение 4-му Главному управлению МО СССР. Восьмого апреля 1958 г. Президиум ЦК КПСС принял постановление о создании боевой системы ПРО («А-35») для обороны объектов Москвы от одиночных моноблочных ракет США типа «Титан-2» и «Минитмен-2».

Немногим позже, летом 1961 года, на сессии Организации Объединенных Наций первый секретарь ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущев известил мировую общественность о том, что в СССР создано оружие, которым, по его выражению, можно попасть «в муху в космосе». Возможно, на тот момент заявление звучало преждевременным и больше походило на хвастовство, но лишь на тот момент.

Уже в июне 1962 года Государственная комиссия рассмотрела эскизный проект данной системы, и вскоре состоялась его защита. Созданная на полигоне система «А» экспериментально подтвердила принципиальную возможность осуществления перехвата баллистических целей; впервые в истории была показана возможность точно рассчитанной встречи «снаряда со снарядом». Да, работы еще предстояло немало, доводить до ума систему планировали не один год, но это был настоящий прорыв СССР в противоракетной обороне.

За четырнадцать лет существования полигона в пустыне Бетпак-Дала построили линии связи и электропередачи, железнодорожные и шоссейные дороги, более тридцати строительных площадок вместили в себя шестьсот сорок три постоянных зданий и сооружений для нужд полигона. В июне 1957 г. была создана специальная радиолокационная станция РЭ-1 для исследования радиолокационных характеристик баллистических ракет в различных условиях полета, а в 1958-м – более мощная РЭ-2. В октябре 1957 г. был проведен пуск противоракеты экспериментальной системы ПРО и начато развертывание ее средств. Указом президиума Верховного Совета СССР в 1966 году за успешное выполнение заданий по разработке, созданию и освоению новой военной техники полигон награжден орденом Ленина, и в том же 1966-м соединению вручено боевое знамя части.

Полигон сотрудничал с 37 министерствами и ведомствами, с более чем 400 предприятиями, организациями промышленности, конструкторскими бюро. На полигоне постоянно работало свыше 70 экспедиций различных министерств и ведомств. Ежегодно на полигон приезжали более 16 тысяч представителей промышленности.

Шесть противоракетных комплексов; двенадцать зенитно-ракетных комплексов; семь типов противоракет; двенадцать типов зенитных управляемых ракет; четырнадцать типов измерительной техники; испытания пятнадцати ракетных комплексов стратегического назначения и их модификаций; восемнадцать радиолокационных комплексов и несколько систем на новых физических принципах – это далеко не полный список стратегических задач, которые успешно решались на полигоне.

Все это стало возможным благодаря участию в проекте видных представителей советской науки. Академики Грушин, Минц, Лебедев, Расплетин, Лавочкин и многие другие светлые умы разрабатывали новые системы ПРО, координировали исследовательские и испытательные работы. Несмотря на то что полигоном, как военным объектом, командовал генерал-майор артиллерии Марков, генеральным конструктором и истинным вдохновителем всех проектов являлся профессор, член-корреспондент Академии наук СССР Кисунько Григорий Васильевич. Под его началом трудились как военные, так и штатские ученые, профессора, кандидаты и доктора технических наук, прошедшие тщательный отбор по всем направлениям и имевшие безупречную репутацию.

Девятого июня 1970 года на полигоне кипела работа. Профессор Кисунько был вызван в Министерство обороны, к начальнику 4-го Главного управления МО СССР для доклада о текущем положении дел, и каждый из сотрудников полигона знал, что от успешности этого доклада зависит, как скоро им позволят провести комплексные государственные испытания системы ПРО, над которой они работали без малого четырнадцать лет. Все, от младшего офицерского состава до маститого ученого, пребывали в возбужденном состоянии, которое даже не пытались скрывать.

– Геша! Где ты пропадаешь, лихорадка тебя возьми! Лабораторию откроют через десять минут, товарищ полковник госбезопасности уже на территории полигона, а тебя с собаками искать приходится!

Младший научный сотрудник, помощник заместителя руководителя отдела систематизации информации Иван Павлинов ворвался в комнату отдыха шестнадцатого инженерного комплекса и с возмущением накинулся на мужчину средних лет, развалившегося в кресле. Тот, кого называли Гешей, недовольно поморщился, но из кресла выбрался.

– Чего кричишь, Иван? Человеку и пять минут отдохнуть нельзя? Знаешь ведь, что я всю ночь систематизацией занимался, – ворчливо произнес он.

– Чего кричишь?! Чего кричи-и-ишь?! – Павлинов чуть не захлебнулся от возмущения. – Геша, ты вообще в курсе, что происходит? Товарищу Кисунько выезжать через три часа, а у тебя еще ничего не готово! Может, тебе наплевать, как пройдет доклад, но лично я в случае провала крайним оставаться не хочу.

– Тебя никто и не просит. – Геша потянулся за ботинками, которые до этого снял, пытаюсь дать ногам отдых. – Подготовить пленки поручено мне, а не тебе.

– А проконтролировать и передать их товарищу Кисунько должен я, – возмутился Павлинов. – Давай, шевели поршнями, Геша. Иначе доложу о твоём поведении кому следует.

– Не пугай, Иван, пуганые. Сам знаешь, кроме меня, с этой работой никто не справится.

– Сейчас не справится, – фыркнул Павлинов. – Эта ситуация временная, Геша. Через месяц придет замена Соколову, которого отправили в госпиталь, и Власенко вернется с Украины. Слышал, его матери стало лучше. Так что не зазнавайся, скоро ты снова отойдешь на второй план. Имей в виду, не появишься в лаборатории через пять минут – отправлю доклад самому Кисунько!

Павлинов резко развернулся и вышел из комнаты отдыха. Втиснув ноги в тесную обувь, Геша вышел следом. Всю дорогу до лабораторного комплекса он почти бежал. В его душе бушевал гнев. «Десять лет учебы, тридцать лет исследовательской работы, четырнадцать из них на проклятом полигоне, работа по двадцать часов в сутки, без выходных и праздников. А в итоге что? Ни семьи, ни детей, зарплата мизерная, уважения ноль! Кто получит награды за выдающиеся заслуги перед Родиной? Кисунько и ему подобные! Кому дадут премию? Тоже им. А мне лишь выговор с занесением в личное дело за то, что лишних пять минут посидел в кресле, за то, что не свалился с инфарктом, как Соколов! Где справедливость? Когда это изменится? Будь все проклято! Будь все проклято!»

К месту назначения Геша в отведенный Павлиновым срок едва успел. У дверей лаборатории, вход в которую допускался лишь с личного разрешения генерал-майора Маркова, его уже ждал сотрудник КГБ.

– Опоздываете, – взглянув на часы, проворчал он.

– Простите, часы отстают. – Фраза прозвучала глупо, отчего настроение Гешы испортилось окончательно.

– Так смените часы, – назидательно произнес кэзэбэшник. – Служить на оборонном предприятии и не следить за временем – непροстительная оплошность.

Отвечать Геша не стал, дождался, когда дежурный по этажу отомкнет три замка, и молча вошел в помещение. Прежде чем приступить к работе, Геша произвел все подходящие записи

в куче журналов, сотрудник КГБ проверил помещение на предмет несанкционированного проникновения и только после этого позволил Геше начать работу с микропленками. Работал Геша на автомате: запускал необходимые процессы, загружал нужную информацию, фильтровал материал, вставлял в него схемы и чертежи, и все это время сотрудник КГБ маячил за спиной. Геша понимал, что такова специфика работы, но сегодня его это бесило как никогда.

Примерно через час после начала работы в комнату заглянул дежурный.

– Товарищ капитан государственной безопасности, вас срочно приглашают к телефону, – извиняющимся тоном произнес он.

– Что за ерунда! Вы знаете правила, – возмутился капитан. – Никаких внешних мероприятий во время работы лаборатории.

– Я знаю, товарищ капитан государственной безопасности, – голос дежурного зазвучал еще более виновато. – Но звонят из Москвы. Сказали – срочно.

– Сколько тебе осталось? – вопрос капитана был обращен к Геше.

– Не могу сказать точно, но не меньше часа, – подумав, ответил Геша.

– Придется прерваться, – заявил капитан. – Останавливай процессы, продолжишь позже.

– Я не могу прервать процесс, иначе придется начинать все сначала, и тогда профессор Кисунько опоздает на самолет, – возразил Геша.

– Насчет самолета я договорюсь, – отмахнулся от возражений капитан. – У меня срочный звонок.

– Пленка придет в негодность, насчет непредвиденных расходов тоже договоритесь?

– Сворачивайся, тебе сказано, – отрезал капитан.

Геша подавил взрыв возмущения и вырубил все машины. Через пять минут он уже стоял у закрытых дверей лаборатории, дожидаясь возвращения капитана. «Столько работы коту под хвост! И ведь не было никакой необходимости прерывать процесс. Ну, сходил бы он в дежурку, поговорил по телефону, и что? Кому она нужна, ваша секретность? Все равно пленку из лаборатории не вынести, – мысленно возмущался Геша. – А если и вынесешь, то через КПП точно не пройдешь, там досмотр серьезнее, чем на золотых приисках. Кисунько и то свой экземпляр рабочих схем и чертежей только в спецкейсе выносит, и охрана у него четыре человека. Все боятся, что западные державы их секреты украдут. Кто их понесет западным державам? Это у нас шпионов и перебежчиков как дорогих гостей привечают. И политическое убежище им, и советское гражданство, и пресс-конференции в Доме журналистов. А ведь кто они такие? Всего лишь мелкие сошки в Агентстве национальной безопасности, криптологи, которые только и могут, что расшифровывать добытую другими информацию. И что они по сути сказали? Да ничего, только избитые фразы и ни одного доказательства в подтверждение своих слов. И все же они стали чуть ли не национальными героями Советского Союза».

Историю криптологов Геша помнил наизусть. Она произошла десять лет назад, в далеком 1960 году, когда работа над экспериментальной системой ПРО еще только начиналась. Тогда это событие широко освещалось не только в советских газетах, но и в международных СМИ, доступ к которым Геша имел благодаря связям с «секретным» отделом сбора информации при Министерстве обороны СССР. Звучала она так: два друга, Уильям Гамильтон Мартин и Бернон Ф. Митчелл, познакомились во время службы в ВМС США в Японии в начале 1950-х годов, и оба присоединились к АНБ в один и тот же день в 1957 году. А в 1960-м решили вместе бежать из страны.

Двадцать пятого июня 1960 года Митчелл и Мартин выехали из США в Мексику. Оттуда они отправились в Гавану, а затем на советском грузовом судне поплыли в СССР. Пятого августа Пентагон заявил, что они не вернулись из отпуска, и было сделано заявление: «Есть вероятность, что они убежали за железный занавес». Шестого сентября 1960 года Митчелл и Мартин появились на совместной пресс-конференции в Доме журналистов в Москве и заявили, что запросили убежище и советское гражданство.

Особо шокирующих заявлений Митчелл и Мартин так и не сделали, лишь сообщили о том, что и без них было известно: правительство Штатов использует недостойные методы при сборе разведывательной информации, умышленно нарушает границы воздушного пространства других государств, а также занимается перехватом и расшифровкой секретных сообщений более чем сорока государств, включая своих собственных союзников. Свои истинные цели они прикрывали тем, что якобы обеспокоены желанием США навязать миру ядерную войну, чего они, как истинные патриоты, допустить не вправе.

Красивой обертке Геша не поверил ни на секунду. Не верил ей и сейчас, спустя десять лет после происшествия, но забыть о том, что сделали Мартин и Митчелл, никак не мог. Снова и снова он прокручивал в голове это событие, примеряя его на себя. Какова истинная причина побега? Что они выиграли, став предателями Родины? В разговоре с приятелем из секретного отдела Министерства обороны Геша узнал, что Мартин и Митчелл получили от советского государства кругленькую сумму, и вот тогда он понял, почему зациклился на этом происшествии.

Когда его научный руководитель предложил примкнуть к «небывалому по своему масштабу» проекту Минобороны, Геша не раздумывал. Такие перспективы, такие возможности! Да любой на его месте руку позволил бы отсечь, лишь бы попасть в рабочую группу полигона! Творить историю наравне с великими умами, что может быть прекраснее? Но на деле все оказалось куда прозаичнее. Разочарование пришло в тот момент, когда у него обнаружили способности к систематизации и верстке материалов исследований. Чужих материалов! За четырнадцать лет сам он не принял участия ни в одном пуске, ни в одной разработке новых подходов к реализации системы ПРО. Только систематизация, ведение записей и работа с микроплёнками, которые утилизировались один раз в полгода, чтобы освободить место для новых километров плёнки. Никакого карьерного роста, никакой благодарности. Лишь мизерная зарплата, которая положена вспомогательному персоналу, и ненормированный рабочий день.

– Чего застыл, дубина? – окрик капитана госбезопасности вывел Гешу из задумчивости. – Спишь на ходу? Дверь открыта, приступай к работе!

Геша вошел в лабораторию, на автомате подошел к аппаратам, затем, вспомнив протокол, повернулся к капитану.

– Испорченную пленку необходимо измерить, упаковать и отправить на утилизацию, – сообщил он капитану.

– Нет времени. – Капитан недовольно поморщился. – Утилизируй сейчас.

– Но по правилам, – начал Геша, но капитан не дал ему закончить.

– Собираешься пререкаться? Я здесь правила и закон! Утилизируй и приступай к работе, – прорычал капитан.

Кипя от злости, Геша повернулся к аппаратам. «Паршивый ублюдок! Пользуется своим положением, чтобы унижить человека! – бушевал он в душе. – Заставить бы тебя на своей шкуре прочувствовать бессилие! Забить тебе в глотку все эти километры микроплёнки, тогда бы я посмотрел, какой ты важный!» Его рука потянулась к кювете с плёнкой, подлежащей утилизации, и вдруг остановилась на полпути. Мозг еще не успел отреагировать, а руки уже вытягивали из запасной кюветы пленку с черновиками ночной работы. Когда пленка оказалась в его руках, Геша уже не сомневался. Он уверенно отправил черновики в машину для утилизации, и пока та, тихо жужжа, пережевывала пленку, заправил новой плёнкой второй аппарат.

– Долго еще? – ворчливо поинтересовался капитан.

– Машины запустятся через три минуты, – сообщил Геша. – Распишитесь в журнале, здесь ведутся записи по утилизации.

– Без тебя знаю. – Капитан вырвал журнал из рук Гешы, быстро поставил подпись и вернулся. – Постарайся не напортачить, времени у нас в обрез.

– Не беспокойтесь, товарищ капитан государственной безопасности, машины отлажены и работают четко, – к Геше вернулось спокойствие. – Думаю, повторная запись пройдет быстрее.

Спустя час он достал из кюветы бобину с микропленкой, вложил ее в конверт и протянул капитану. Тот нетерпеливо сунул ее в карман, взглянул на часы и произнес:

– Уложились. Отключай машины, мне пора на выход.

– Сначала нужно стереть записи из памяти аппаратов, – заявил Геша. – Таков протокол.

– Снова ты про протоколы? – ворчливо проговорил капитан. – Сколько времени это займет?

– Около десяти минут, может, чуть больше, – ответил Геша.

– Черт, у меня нет столько времени. – Капитан беспокойно взглянул на дверь. – Товарищ Кисунько ждет на автостоянке.

– Не стирать записи категорически запрещено, – пожал плечами Геша, – но если вы настаиваете...

– Нет, делай то, что должен, – заявил капитан. – Дежурный по этажу будет присутствовать вместо меня. Как закончите, закройте двери и ждите снаружи.

– Как скажете, товарищ капитан государственной безопасности.

– Приступай, чего ждешь?

Геша начал последовательно нажимать нужные кнопки, а капитан открыл дверь и выглянул в коридор. Дежурного по этажу у двери не оказалось.

– Где его черти носят? Говорил же, никуда не отлучаться. Ладно, запускай свою машину, я приведу дежурного.

Капитан дождался, пока Геша запустит систему удаления информации, и вышел из комнаты. В то же мгновение Геша метнулся к кювете первого аппарата, извлек из нее пленку, которую записывал до перерыва, стянул ботинок и сунул пленку в каблук под стельку. Когда в лабораторию вошел дежурный по этажу, Геша сидел на стуле за пультом управления и дожидался окончания работы машин. Через десять минут звуковой сигнал оповестил о завершении процесса работы, Геша отключил аппараты от электросети и вышел из лаборатории.

* * *

***Москва, апрель 1971 года, Комитет государственной безопасности,
кабинет старшего помощника начальника нелегальной
разведки ПГУ, начальника спецотдела, полковника Старцева***

В кабинете начальника спецотдела Управления «С» вовсю кипела работа. Строители в самодельных панамках из газеты, в хлопчатобумажных майках и трикотажных спортивных штанах таскали мебель из кабинета в приемную. Тумбочки, столы, стулья и даже солидный трехстворчатый шкаф, особая гордость полковника, за считанные минуты были разобраны на части, упакованы в коричневую бумагу, какой обычно пользуются в продуктовых магазинах, и сложены штабелями вдоль стен в узком предбаннике кабинета.

Вместо мебели в кабинете выросли строительные козлы, для большего удобства расположенные сразу вдоль двух стен. Высокие стремянки расставлены по углам, ведра с краской и побелкой, стоявшие ровным рядом все на тех же старых газетах, ждали своего часа. Потолок уже претерпел изменения: бригада из трех человек сняла все потолочные светильники и сняла практически весь слой побелки, который из года в год «освежали» специалисты косметического ремонта.

А в коридоре жизнь управления шла своим чередом: начальники отделов, их подчиненные, секретари и помощники сновали по коридору вперед-назад, разнося «важные» папки, делегируя свои полномочия другим подразделениям, спеша на длительные совещания и «летучки». Закрытая дверь кабинета полковника Старцева ничем не отличалась от целого ряда точно таких же дверей, но только до тех пор, пока какой-нибудь «везунчик» не надумает посмотреть, что же за ней скрывается.

Подполковник Богданов везунчиком себя не считал, по крайней мере, не в том понимании этого слова. Но в дверь кабинета ему заглянуть все же пришлось, поскольку в восемь утра ему позвонил помощник-секретарь полковника Старцева Николай Орлов и официальным тоном проговорил в трубку:

– Здравия желаю, товарищ подполковник. Старший лейтенант Орлов на проводе. Звоню вам по поручению товарища полковника. Вам приказано срочно явиться в управление на экстренное совещание с товарищем полковником.

В старшие лейтенанты Орлова произвели больше года назад, но ему так нравилось козырять своим повышением, что он просто не мог удержаться и не вставить в разговор свои «тителы». Богданов об этом знал и иногда, в силу более высокого положения и звания, позволял себе добродушно подтрунивать над помощником полковника. Вот и сегодня он не сдержался. Услышав официальное «старший лейтенант», Богданов тут же решил пошутить.

– Доклад не принимается, – сухо произнес Богданов в трубку, как только Орлов закончил говорить.

– Не понял, – растерялся Орлов. – Разве так можно?

– Что значит «можно»? Доклад выполнен не по форме, – продолжал Богданов. – По уставу офицер среднего и высшего военного звена имеет право проигнорировать приказ, если он отдан с нарушением формы.

– С нарушением формы? Но что я нарушил? – Орлов растерялся еще больше.

– Думай, Орлов, ты же как-никак офицер! Ну или сходи к полковнику Старцеву и попроси, чтобы он тебя научил правилам передачи срочных приказов.

– Товарищ подполковник! Вы же знаете, не могу я к товарищу полковнику с таким вопросом пойти, он ведь начальник! К тому же аттестация на носу. Что будет, если этот вопрос входит в число аттестационных, а я сам сообщу ему, что ответа на него не знаю? Да он тогда вообще меня до аттестации не допустит.

– Что ж, не желаешь просить помощи, тогда придется сказать, что ты его задание провалил, приказ мне не передал. – Богданов едва сдерживался, чтобы не рассмеяться в трубку, а до Орлова все не доходило, что его разыгрывают.

– Товарищ подполковник! Ну скажите, что не так? Какую форму я нарушил? – с мольбой повторил Орлов.

– Представляешься не по уставу, – завершая розыгрыш, заявил Богданов. – Такого великого полководца следует величать Господин Великий Старший Лейтенант. Иначе капитана тебе не видать!

– Товарищ подполковник! – возмущенно проговорил Орлов. – Я к вам с серьезным поручением, а вы шуточки шутите!

– Прости, Коля, слишком велик соблазн пошутить. – Богданов дал волю смеху. – Не кичился бы ты своим званием, глядишь, и люди тебя поддевать не стали бы.

– Приказ я передал, а там вы сами думайте, – огрызнулся Орлов и положил трубку.

На этот раз шутка Орлова рассердила, и, видимо, поэтому он не сказал подполковнику Богданову о том, что в кабинете полковника Старцева идет ремонт. И вот подполковник, открыв дверь и поглазев несколько минут на расторопных рабочих, закрыл дверь и задумался. Если кабинет Старцева занят, тогда где же он сам и где собирается его принимать? Богданов прошелся по коридору, заглядывая за закрытые и открытые двери. Ни Старцева, ни Орлова

нигде не увидел и решил спуститься вниз, чтобы у дежурного узнать, в какой кабинет перевели начальника спецотдела нелегальной разведки.

Оказалось, Старцева временно перекинули в соседний корпус, так что пришлось Богданову выходить через центральный вестибюль на улицу, огибать здание и подниматься на третий этаж, прежде чем услышать голос своего начальника. Полковник Старцев встретил Богданова радушно.

– Проходи, Слава, располагайся. Почаевничать не получится, во временном помещении удобств меньше, но сок и пирожные предложу. – Старцев жестом указал на единственный незакрытый стул в тесном кабинете.

– Пирожные? Не откажусь, Николай Викторович, – переняв неофициальный тон командира, произнес Богданов. – Из-за раннего звонка позавтракать не успел. Елена вчера в театр водила, потом на набережную зазвала, так что спать легли почти под утро, соответственно, и для завтрака ничего не приготовили.

– Не жалуйся, подполковник, все знают, что твоя жена тебя из дома голодным не выпускает. – Старцев засмеялся, вспомнив, как поначалу после женитьбы Богданов сам всем хвастался тем, что у него внимательная и заботливая жена.

– Я не жалею, просто констатирую факт, – улыбнулся Богданов. – Или вы передумали пирожными угощать?

– За твоей спиной тумбочка, на верхней полке найдешь сок и пирожные, – ответил Старцев. – Доставай и угощайся. Поедим, а заодно и дела обсудим.

– Так, значит, все-таки дело. – Богданов вздохнул. – Обещали ведь две недели отдыха дать после последнего задания.

– Так вам и дали, Слава, разве нет?

– Четыре дня всего прошло, – напомнил Богданов. – Я сыну обещал в выходные на соревнования прийти. Теперь снова получится, что слово не сдержал.

– Незачем обещать, если не уверен. Знаешь ведь, какая у нас работа, – напомнил Старцев и чуть смягчил тон. – Не расстраивайся, Слава, тут уж ничего не поделаешь. Откладывать решение этого вопроса нельзя. Когда ты выслушаешь, в чем суть задания, сам поймешь, что оно важнее соревнований сына.

– Рассказывайте. – Богданов выставил на стол коробку с пирожными. – Ого, тут как в кондитерской! Выбирай что душе угодно.

В коробке и правда лежали практически все виды пирожных из ближайшей кондитерской: витые «трубочки», солидные «корзиночки», скромные пирожные «картошка» и «заварное» с белой и шоколадной поливкой. У Богданова глаза разбежались от такого изобилия. Подумав, он достал из коробки «заварное» с белой поливкой, откусил кусок и от удовольствия закрыл глаза.

– Что, вкусно? – Старцев улыбался. – Это тебе не овсянка.

– Да уж, не овсянка, – согласился Богданов. – Я лет до десяти мечтал, чтобы мне на завтрак разрешали есть пирожные. Не думал, что детская мечта сбудется таким странным образом.

– Ты служишь в удивительной организации, Слава, здесь и не такое случается, – пошутил Старцев.

Пока Богданов дожевывал угощение, полковник Старцев вел разговор на отвлеченные темы, но, как только подполковник сделал последний глоток сока, разговор перешел в серьезное русло.

– Скажи, Слава, тебе знакома аббревиатура ГНИИП?

– Государственный научно-исследовательский институт приборостроения, – без запинки ответил Богданов.

– Хорошая попытка, но нет. В нашем случае за этой аббревиатурой скрывается государственный научно-исследовательский испытательный полигон.

– Точно! Слышал о нем: глобальное строительство в степях Казахстана, работы велись с 1956 года, уникальная экспериментальная система ПРО, над которой работают десятки ученых, штатских и военных, прорыв в противоракетной защите страны, – выдал Богданов. – Так что, на полигоне проблемы?

– Скорее, у полигона, – ответил Старцев. – Но давай по порядку. Ты знаешь, что в успехе противоракетной системы защиты лично заинтересован министр обороны СССР маршал Советского Союза Андрей Антонович Гречко? Вся работа, и военных, и ученых, находится в подчинении 4-го Главного управления МО СССР. Считается, что у них достаточно навыков, чтобы поддерживать секретность объекта на высоком уровне, но, как оказалось, недостаточно, чтобы отфильтровать потенциально ненадежных сотрудников.

– Что значит: ненадежных?

– Тех, чье психологическое состояние останется стабильным после многолетнего давления.

– Все равно не понимаю, – признался Богданов. – Что произошло на полигоне?

– Мне кажется, мы забегаем вперед. Пожалуй, будет лучше, если я начну сначала. И лучше это сделать с освещения текущей ситуации. На данном этапе работа по разработке системы ПРО для защиты столицы подходит к завершающему этапу. Уже достоверно известно, что созданная на полигоне система «А» экспериментально подтвердила принципиальную возможность осуществления перехвата баллистических целей. Возможность уничтожения одного снаряда другим в воздушном пространстве больше не является утопической мечтой – это подтвержденный факт. В верхах планируют принять систему ПРО на вооружение уже в июне этого года, а в сентябре официально поставить на боевое дежурство. На самом деле постановление Совета министров СССР о принятии системы на вооружение готово, осталось только подписать. Но теперь планы министерства могут сорваться, потому что произошло нечто из ряда вон выходящее.

– Наконец-то добрались до главного. – Богданов облегченно вздохнул. – Признаться честно, тонкости политики властей меня не слишком привлекают.

– Тогда слушай то, что тебя наверняка заинтересует. – Старцев подвинул к себе папку с грифом «секретно». – Здесь вся информация, но для экономии времени я изложу суть, а с деталями ты сможешь ознакомиться позже. В ПГУ КГБ СССР поступил сигнал от агента-нелегала, действующего на территории США, а именно в Вашингтоне. Одной из задач агента является наблюдение за определенными лицами из службы АНБ, которые служат в управлении научных исследований и техники. Это управление занято разнообразными научно-техническими исследованиями в области перехвата радиосигналов, дешифровки и защиты линий связи, начиная с математических методов и заканчивая разработкой новых технологических процессов и оборудования. Состоит управление из четырех отделов, но сейчас нас интересует только один: отдел математических исследований и криптоанализа.

– Сотрудники полигона оформляют информацию о достижениях в области разработки системы ПРО с помощью криптографии? – не сдержал удивления Богданов.

– Нет, свои наработки они оформляют в виде записей на микро пленке, которые передают выше по инстанциям.

– Тогда при чем здесь математические исследования и сотрудники АНБ?

– Два дня назад у сотрудника отдела математических исследований АНБ Джейсона Тейлора произошла встреча с бывшим сотрудником испытательного полигона № 10 Геннадием Хустовым.

– Бывшим?

– Да, Геннадий Хустов работал на полигоне с первого дня его существования. Он был рекомендован на эту работу научным сотрудником, занимающим довольно высокое положение в профессорской иерархии. Хустов занимался систематизацией всех наработок в области разработки системы ПРО «А». В его обязанности входило формирование микропленок перед отправкой материалов в Москву. В июне прошлого года Хустов исчез с территории полигона, и до сегодняшнего дня никто не знал, где он.

– Исчез? Сбежал? И что, его никто не искал? Его исчезновение не показалось странным?

– Не забегай вперед, Слава, проявляй терпение. – Старцев осуждающе покачал головой. – Вот то, что знаю я: Хустов отработал смену, прошел досмотр перед выходом из засекреченной зоны и на служебном автобусе отправился в зону проживания, расположенную на территории административного центра полигона и построенную специально для тех, кто задействован в испытаниях системы ПРО. Добравшись до административного центра, он покинул автобус, зашел в местный магазин, где поболтал с продавщицей и приобрел бутылку водки. Да, Слава, ученые тоже люди, и им иногда хочется расслабиться, так что на территории исследовательского городка есть магазины с разнообразными товарами широкого потребления, в том числе водкой.

– Ничего не имею против ученых и их способности расслабляться теми же способами, что и простые смертные, – сказал Богданов. – Так что было дальше?

– В разговоре с продавщицей Хустов упомянул, что планирует потратить внезапно свалившиеся на голову выходные для отдыха на природе. Он, мол, любитель рыбалки, а за десять лет работы в Казахстане ни разу не был на Балхаше. Сказал, что пришло время посидеть с удочкой в каком-то тихом месте и отдохнуть от суеты. Больше его никто не видел.

– Он не вышел на работу после окончания выходных, и все решили, что он утонул в Балхаше, упившись водкой, – догадался Богданов.

– Примерно так все и было. О его отсутствии узнали только через три дня. Прошли два выходных и один рабочий день. Искать начали только к вечеру третьего дня. Приехали на квартиру, но его там не оказалось. Все вещи оставались на месте, кроме рыболовных снастей и удочек. О сборах на рыбалку напоминала лишь кастрюля с остатками перловой каши для прикормки рыбы да куски использованной рыболовной лески, смотанной пучками на кухонном столе. После этого сотрудники полигона обратились в милицию. Милиционеры организовали поиски на Балхаше, но свидетелей, которые видели Хустова на озере, не нашли, и следов его пребывания тоже. В итоге Хустова признали пропавшим без вести, предположительно погибшим. На всякий случай данные на Хустова разослали по всем областям и на этом успокоились.

– Все, но не госбезопасность, – вместо Старцева закончил Богданов.

– Верно. В КГБ не так легко верят в случайное утопление, если утонувший человек держал в руках секретные материалы с разработками уникальной системы противоракетной обороны, – подтвердил догадку подполковника Старцев. – Комитет госбезопасности провел свое независимое расследование и выяснил, что в последний день работы Хустов готовил материалы для профессора Кисунько и его доклада в Министерстве обороны СССР.

– Материалы были похищены?

– Подтверждения тому нет, есть лишь предположение. Мы считаем, что Хустов каким-то образом сумел изготовить два экземпляра микропленки с последними данными по системе ПРО и вынести пленку за пределы секретной зоны. Затем он инсценировал поездку на рыбалку, а сам перешел границу и покинул территорию СССР.

– Но как ему это удалось? Думаете, Хустов длительное время планировал побег и только ждал подходящего момента?

– Этого мы утверждать не можем, так как не знаем, как и где он пересек границу. Мы не знаем, почему он оказался в Вашингтоне и почему связался именно с Тейлором, ведь должность Тейлора предполагает крайнюю секретность, он не кричит на каждом углу, что работает

на АНБ, не вывешивает объявления в газете о том, что принимает перебежчиков. Черт, он даже оборонкой не занимается! И все же факт остается фактом: Хустов объявился в Вашингтоне, связался с Тейлором и, как предполагает наш агент, собирается передать ему материалы о системе ПРО, как только эти двое договорятся о цене.

– Итак, мы летим в Вашингтон, – подвел итог Богданов.

– Да, Слава, начальник ПГУ генерал-полковник Сахаровский принял решение отправить в Вашингтон спецподразделение из управления «С» для предотвращения утечки информации. Мы с генерал-майором Лазаревым решили, что лучше всего для выполнения задания подходит твоя группа.

Генерал-майор Лазарев служил начальником управления «С» и являлся заместителем начальника ПГУ, поэтому оспаривать его решения у сотрудников управления было не принято, и все же Богданов попытался возразить.

– Анатолий Иванович знает, что наша группа все еще в недокомплекте? Николай Викторович? – осторожно начал он.

– Это не столь важно, Слава, для этого задания людей у тебя хватает, – ответил Старцев.

– И все же хочется уточнить: знает ли товарищ генерал-майор, как в нашей группе обстоят дела с личным составом?

– Ты думаешь, заместитель начальника Первого Главного управления КГБ СССР не с должным вниманием относится к выполнению своих обязанностей? – повысив голос, проговорил Старцев. – Считаешь, принимая решения подобного уровня, он не посчитал нужным изучить все стороны вопроса?

– Ни в коем случае, товарищ полковник, только эта проблема длится уже не один год, и вы это знаете, – отступить Богданов не собирался. – У нас недокомплект. Большую часть времени мы работаем в усеченном составе.

– Вам систематически дают новых людей, подполковник, – напомнил Старцев.

– Дают, а потом снова забирают. Зачем вы отдали Солодовникова и Кульпу? Отличные были ребята, лучше и не пожелаешь. И сработались мы отлично, и операции с их участием проходили идеально.

– Солодовников и Кульпа – советские офицеры, они не конфеты, которыми можно делиться, а можно в кармане припрятать. – Старцев сердито сверкнул глазами. – Сейчас они там, где могут принести максимальную пользу. И ты это знаешь, Богданов.

– Знаю, товарищ полковник, только обидно. Что мы можем вчетвером?

– Растить новые кадры, Слава, не отказывайся от новичков только потому, что они пару раз напортачили.

– Пару раз? Вспомните Вашпилова! Он с первого дня не вписывался в нашу работу. Удивляюсь, как он вообще в Школу КГБ попал. Полный ноль, да еще с амбициями. Из-за него чуть не погиб Саша Дубко. И таких вы предлагаете учить и растить?

– Ладно, не впадай в крайности, Слава. Татарников, например, был неплох.

– Да, но на первом же задании его ранили, помните? Ранение вызвало осложнения, и теперь он в инвалидном кресле.

– Чего ты от меня хочешь, Слава? Решение принято, приказ отдан: спецподразделение «Дон» направляется в Вашингтон на поиски Геннадия Хустова с целью предотвращения утечки информации. Собирай парней, вылетаете сегодня в восемнадцать ноль-ноль.

– Как добираться?

– Из Москвы летите в Германию, из Германии во Францию и только оттуда в США. Необходимо сохранять максимальную секретность. Нам неизвестно, почему перебежчик установил связь с АНБ, поэтому мы не можем быть уверены, что до этого он уже не побывал в ЦРУ, ФБР или других организациях, отвечающих за безопасность США.

– Легенды готовы?

– Будут готовы к вечеру. Конверты с необходимыми материалами получите за час до вылета в Германию. На этот раз сбор не на базе, а в гостинице «Москва». Там для вас забронирован номер люкс, в котором проводят встречи дипломаты, так что безопасность в нем на высшем уровне. Можете обсуждать любые вопросы, не беспокоясь о прослушке.

– В Вашингтоне у нас будет связь с Центром?

– Да, связь будете держать через агента Смита. В данный момент он продолжает наблюдение за Тейлором и Хустовым. Он введет вас в курс дела, поможет устроиться, снабдит транспортом и деньгами.

– Оружием?

– Сложный вопрос, но мы над ним работаем. Надеюсь, в первые дни вашего пребывания в Вашингтоне оружие вам не понадобится.

– Я тоже надеюсь, что нам не придется противостоять четырем армиям: военным, федералам, агентам ЦРУ и АНБ.

– Не сгущай краски, Слава. Преследование сразу всеми службами вам точно не грозит. А теперь иди к своим ребятам. Настрой их как положено.

– Четыре мушкетера? – пошутил Богданов.

– Точно! Четыре мушкетера. Ты знаешь, Слава, если бы была возможность, я с радостью расширил бы состав группы до десятка мушкетеров, но в данный момент это невозможно, так что справляйтесь сами.

– Есть справляться самим, – отчеканил Богданов и поднялся со стула. – Разрешите идти?

– Иди, Слава, и помни: Родина в вас верит! Защитить информацию о системе противоракетной обороны Москвы – долг каждого из нас. Сегодня честь выполнить свой долг выпала вам.

Старцев вышел из-за стола и сделал то, чего не делал ни разу за несколько десятков лет совместной службы: он обошел стол и, игнорируя протянутую для рукопожатия руку, крепко обнял Богданова. Подполковник смущенно ответил на объятия, затем коротко кивнул и вышел из кабинета.

Глава 2

К гостинице «Москва», расположенной на Манежной площади, бойцы спецподразделения «Дон» подъехали с интервалом не более пяти минут. Первым у величественного здания, ради строительства которого в тридцатые годы по распоряжению правительства снесли целый квартал исторической застройки Охотных рядов, появился Коля Дорохин. В спортивной куртке нелепого ядовито-зеленого цвета, в резиновых сапогах и с огромной сумкой за плечами, в толпе празднующихся туристов он выглядел как бельмо на глазу. Мужчины в деловых костюмах и начищенных кожаных ботинках поглядывали на Дорохина с недоумением. Дамы в элегантных пальто, легких полусапожках на каблуках, с модными сумочками на плечах старались обойти его стороной. Портье едва сдерживался, чтобы не объявить неуместно одетому человеку, что отдыхать на ступенях гостиницы запрещено городскими властями. И только самого Дорохина ни его внешний вид, ни косые взгляды окружающих ничуть не смущали.

Следующим подтянулся майор Дубко. В отличие от Дорохина майор выглядел так, как и подобает офицеру госбезопасности: строго, неброско и в то же время представительно. Такой вид внушал уважение и даже некоторый трепет, по крайней мере, так считали аналитики из управления КГБ СССР. Майор пришел налегке, спортивная сумка через плечо на вид выглядела почти пустой.

– Здорово, Коляныч, ты откуда такой... зеленый? – оглядев товарища с ног до головы, поддел Дубко.

– Смешно тебе, майор? Ладно, повеселись, я не против. – Дорохин и сам улыбнулся. – Звонок командира застал меня в наисчастливейшем месте на Земле! Я один на один с природой, вокруг ни души, винтовка за плечом, и тут...

– И в каком же дупле твоего наисчастливейшего места установлен телефон, который испортил тебе всю малину? – Дубко улыбнулся.

– Телефона там никакого не было, товарищ майор, иначе мой правдивый рассказ превратился бы в фантастическую историю, где герои достают из кармана коробочку размером с ладонь, нажимают на ней кнопки и начинают болтать со свояком, который сидит где-нибудь в Норильске и попивает чай на своей кухне. На самом деле меня подвела моя же предусмотрительность. Прежде чем идти в лес, я предупредил хозяина избушки, в которой остановился, что мне может поступить важный звонок, узнать о котором я должен немедленно. Звонок поступил, и хозяин избушки прислал за мной своего старшего сына.

– Коробочка размером с ладонь, которая может связать тебя с любой точкой на Земле? Здорово придумано, жаль, что в реальной жизни такого не бывает. – Дубко с мечтательным видом вздохнул. – Представляешь, как упростилась бы наша жизнь?

– Ничего, майор, будет и такое. Раньше вон и лампочка электрическая фантастикой казалась, а теперь посмотри вокруг, кругом электричество на людей работает.

В этот момент к ступеням гостиницы подошел прапорщик Казанец. Услышав окончание фразы, он похлопал Дорохина по плечу и произнес:

– Толкаешь бравурную речь в адрес нашего заботливого правительства? Здорово! Не забудь про газификацию и водоснабжение. Ведь прямо в квартиры вода идет, разве не фантастика? А когда-то воду ведрами из реки таскали.

– Здорово, Юрок! – поздоровался Дорохин. – Спросить хотел: тебя мама не учила, что вступать в чужие разговоры – дурной тон?

– Привет, Юра, – поздоровался и Дубко. – Зацени, наш Коля при параде!

– Я уже обратил внимание. Красивая куртка. И лицо так освежает, – подколот Казанец. – Выменял бы на свой пиджак, да вот незадача, дома его оставил. Может, поверишь мне на слово, Колян? Дашь куртку погонять?

– Да идите вы, – беззлобно огрызнулся Дорохин. – У меня в сумке все что нужно для переоблачения. Говорю же, торопился, не хотел время на переодевание тратить. Нет бы похвалить человека за заботу. Стояли бы здесь полдня, меня дожидались.

– Я хвалю, Коля, – к группе бойцов подошел подполковник Богданов.

– Вот! Хотя один нормальный человек в группе, – обрадовался Дорохин.

– Но одежду все же придется сменить. Лягушатник в мои планы не входил, – не удержался, чтобы не поддеть, Богданов.

Казанец и Дубко дружно рассмеялись, Дорохин нахмурил брови, но и его шутка командира заставила рассмеяться.

– Не можете без подколов, да, командир?

– Без них жить скучно. – Богданов указал на дверь гостиницы. – Пойдемте, парни, времени у нас не так много, скоро в аэропорт ехать.

Они вошли в вестибюль гостиницы, Богданов прошел к стойке регистрации и обратился к миловидной девушке:

– Здравствуйте! У нас забронирован номер на четверых.

– Фамилия? – механическим голосом поинтересовалась девушка-регистратор.

– Богданов Вячеслав Антонович.

– Давайте паспорт, – потребовала девушка.

Богданов достал паспорт, развернул на первой странице, показал девушке. Та лениво сверила данные, сделала запись в журнале, после чего заставила Богданова поставить подпись и выдала ключи.

– Номер четыреста четыре. Поднимаетесь на лифте до четвертого этажа, дальше налево третий номер.

Как только Богданов взял ключи, девушка потеряла к нему интерес и вернулась к изучению какого-то модного журнала. Богданов подхватил сумку, подал знак остальным и двинулся к лифту. Номер на четвертом этаже нашли сразу, открыли ключом дверь и вошли внутрь.

– Ну и обслуживание, – войдя в номер, проворчал Дубко. – Даже не проветрили.

– Не нуди, Саша, может, их поздно предупредили, – заступился за сотрудников гостиницы Богданов. – Бросайте вещи, и за стол, введу вас в курс дела.

За десять минут Богданов в общих чертах обрисовал задачу, после чего ему стали задавать вопросы.

– Этот агент Смит, насколько ему можно доверять? – задал вопрос майор Дубко.

– Старцев сказал, что у него длинный послужной список. Вроде бы работал под руководством самого Дроздова, и тот о нем очень хорошо отзывался. Думаю, таких рекомендаций достаточно, чтобы не сомневаться в компетентности агента Смита, Саша.

– Спорить не стану, командир.

Юрия Дроздова сотрудники управления считали живой легендой. Заместителем начальника нелегалов его поставили в 1968 году, и с тех пор по подразделениям и отделам ПГУ ходили разнообразные слухи о достижениях легендарного советского разведчика, который в 1962 году успешно провел операцию по обмену американского летчика Пауэрса на разведчика-нелегала Рудольфа Абея. Говорили, что во время многомесячных переговоров Юрий Дроздов, в совершенстве владеющий немецким языком, играл роль немецкого кузена Абея, и многие официальные лица, даже посвященные в суть переговоров, действительно верили в легенду о немецком дяде.

Уже через полгода пребывания Дроздова в роли заместителя начальника управления «С» почти все агенты-нелегалы мечтали о том, чтобы хоть раз принять участие в выполнении операции, разработанной «самим Дроздовым». Неудивительно, что слова подполковника Богданова о высокой оценке Дроздовым агента Смита бойцы группы «Дон» восприняли положительно, и больше кандидатура агента ни у кого сомнений не вызывала.

– Он будет встречать нас в Вашингтоне? – задал новый вопрос Дорохин.

– Пока неизвестно, каким образом будет установлена связь со Смитом. Для нас разрабатывают легенды, которые подошли бы для каждого этапа задания, включая переброску. Из Москвы мы летим в Германию, из Германии во Францию, а потом в США.

– Почему мы не можем лететь напрямую в США? Насколько я знаю, с этого года «Аэрофлот» открыл новые маршруты полетов. Москва – Амстердам – Нью-Йорк, например. Я в газете «Известия» читал, – объявил Казанец.

– Потому что мы не на экскурсию в Америку собираемся, Юра. В управлении настаивают на совершенной секретности. Они опасаются, что перебежчик Хустов мог установить связь не только с агентом АНБ, но и с ЦРУ и ФБР. Если опасения небеспочвенны, все рейсы из Советского Союза в Америку уже отслеживаются всеми возможными организациями, отвечающими за безопасность США. Американцы ни за что не упустят такой шикарной возможности – заполучить информацию особой секретности, касающуюся оборонки. Для нас это означает, что, как только Хустов попадет в руки американских спецслужб, они его уже не выпустят.

– Значит, в Германию мы попадаем советскими гражданами, там становимся кем-то иным и во Францию прибываем по легендам, никакого отношения к СССР не имеющим? – уточнил Дубко.

– Думаю, да. Из Германии уже полетим по легендам.

– В каком смысле «думаю»? Ты не знаешь, что это за легенды, Слава?

– Они еще не готовы. Говорю же, все случилось очень быстро, в верхах успели только обсудить возможные варианты развития событий и принять решение послать нашу группу для получения более точной информации.

– Но почему АНБ? – вопрос, который беспокоил всех бойцов, задал Коля Дорохин. – Почему он обратился в АНБ, да еще к сотруднику какого-то там исследовательского отдела?

– Этого никто не знает. Агент Смит ведет наблюдение за сотрудниками управления научных исследований и техники в структуре АНБ, такова его задача на данный момент. Хустова он увидел случайно, в процессе слежки за управлением. Он узнал Хустова по ориентировке, которую в прошлом году получили все агенты-нелегалы, работающие как за рубежом, так и в СССР...

– Точно, командир, – перебил Казанец подполковника. – Нам тоже пересылали эту ориентировку, и я хорошо ее помню. Русский мужчина, возраст пятьдесят три, на вид около пятидесяти – пятидесяти пяти, светлые волосы, крючковатый нос, на лбу залысины, но стрижку носит удлиненную, рост сто семьдесят пять, вес около восьмидесяти килограммов, небольшой перебор с едой, поэтому обозначился животик. Иногда, когда устанет, прихрамывает на левую ногу, следствие детской травмы. Кажется, упал с велосипеда. Во время учебы в институте работал с профессором Чуйковым, шесть лет из десяти учебы занимался исследовательской деятельностью, благодаря чему и попал в проект по разработке системы ПРО. Чуйков выдернул его из Челябинского исследовательского института, куда Хустов уехал после окончания обучения в Москве.

– Мы все это знаем, Юра, – напомнил Дубко. – Незачем повторяться.

– А я думаю, что стоило бы подумать над тем, что подвигло Хустова на такой нелепый шаг, – возразил Казанец. – Он ведь не уголовник какой-то, не нездоровый элемент с сомнительным прошлым. Он ученый, пусть не с мировым именем, но занимающийся важным делом.

– Возможно, то, чем он занимался в Казахстане, не удовлетворяло его амбиций, – пожал плечами Дубко.

– Да, но почему? В Челябинске он имел хорошую зарплату, ведомственную квартиру и даже невесту, но, не задумываясь, все это бросил и отправился в Казахстан. Значит, он не лишен амбиций, так? Значит, ждал от работы на полигоне чего-то большего, чем то, чего мог достичь в Челябинске.

– Думаю, ты прав. Перспективы на полигоне действительно намного выше, – согласился Дубко.

– Тогда почему после четырнадцати лет кропотливого труда он все бросил и слинял? И именно в тот момент, когда до получения окончательного результата работы полигона, до истинного триумфа оставалось не больше года, он вдруг выкинул такой финт. Почему?

– К чему гадать, Юра? Он это сделал, и точка. Наша задача не душу его лечить, а предотвратить утечку информации, – вступил в разговор Дорохин.

– Нет, Коля, ты не прав, – на этот раз возразил подполковник Богданов. – Мотивы Хустова очень важны. Год назад побег Хустова являлся всего лишь предположением. Сотрудники КГБ предполагали, что Хустов украл материалы разработок системы ПРО и сбежал. Но существовала вероятность, что он все же утонул на рыбалке, а тело просто не нашли. Теперь, после того, как агент Смит засек его в Вашингтоне, да еще в компании сотрудника национальной безопасности Америки, сомнений в том, что он сбежал, нет. В том, что он прихватил что-то ценное, что-то, что сможет предложить американцам в обмен на политическое убежище и материальную поддержку, тоже сомнений нет. С этим все согласны?

Дубко, Дорохин и Казанец с командиром согласились. Богданов удовлетворенно кивнул и продолжил:

– Думаю, было бы неплохо понять, почему он так поступил, почему сбежал. В этом вопросе важен вот какой аспект: планировал ли Хустов побег или сбежал спонтанно?

– С чего ты взял, что он сбежал спонтанно? – Старший лейтенант Дорохин с недоумением смотрел на Богданова. – Как вообще можно не планируя сбежать из страны?

– И все же я думаю, что Хустов побег не планировал, ему просто повезло. – Богданов задумчиво смотрел перед собой и говорил, будто размышлял вслух. – Да, предположение звучит абсурдно, но в жизни и не такое случается.

– Согласен, в жизни всякое случается, но почему ты думаешь, что с Хустовым произошел именно такой случай? – настаивал на ответе Дорохин.

– Исходя из материалов дела, – просто ответил Богданов. – Штатные сотрудники внутренней безопасности КГБ, которые вели расследование после исчезновения Хустова, дали весьма подробный отчет о том, что они видели, что слышали, а главное, почему предположили, что он действовал спонтанно. Так вот, из материалов двух увесистых папок я сделал вывод, что побег Хустова запланирован не был.

– Хотелось бы узнать, что именно ты вычитал в материалах дела, что пришел к таким выводам, – заявил Дубко. – Объясни, Слава.

– Знаете, он ведь не был под колпаком у КГБ, никогда ни в чем предосудительном замечен не был. Простой трудяга, каких миллионы. В записях сказано, что изначально Хустов ехал на полигон в качестве младшего научного сотрудника, но в итоге ему пришлось переквалифицироваться в технического сотрудника, так как техников не хватало, а у Хустова к этому делу оказались способности. Смею предположить, что у технического персонала не только зарплаты ниже, чем у действующих научных сотрудников, но и перспектив практически никаких. А ведь мы знаем, что Хустов оставил в Челябинске, – Богданов сделал ударение на слово «что», – и что получил взамен. За четырнадцать лет работы на полигоне он восемнадцать раз подавал прошение о переводе из технического отдела. Последние четыре года он писал заявление по два раза за год. В прошлом году ему наконец одобрили перевод, но обстоятельства сложились не лучшим образом, кто-то из сотрудников, которые должны были заменить Хустова, уволился, кто-то заболел, и в итоге Хустову снова пришлось остаться на прежнем месте. А потом он исчез.

– Это ничего не доказывает, – пожал плечами Дубко. – Всего лишь предположение.

– Согласен, Саша, пока в этом деле все на уровне предположений. Взять, к примеру, его неожиданное решение поехать на рыбалку, – продолжил Богданов. – За четырнадцать лет Хустов ни разу ни с кем не обсуждал свою любовь к рыбалке. Не ходил удить рыбу ни один,

ни с товарищами. А тут решился, кашу для прикорма сварил, и это после тяжелого рабочего дня, когда ему пришлось проработать ночь сверхурочно, да еще и на день задержаться, так как именно в этот день он должен был подготовить итоговые материалы для выступления профессора Кисунько перед министром обороны СССР. С чего вдруг?

– Достало все, захотел отдохнуть, – произнес Дорохин.

– Возможно, но тот факт, что он объявился в Вашингтоне, подсказывает нам, что рыбалка – только прикрытие. Но! Если бы Хустов планировал побег хотя бы несколько месяцев, о рыбалке он заговорил бы раньше. И с коллегами, и с продавщицей в магазине. Перед исчезновением он должен был не раз реально сходить на рыбалку, и лучше всего хотя бы раз со свидетелем. Да еще и неуклюжим тюфяком себя перед свидетелем выставить тоже было бы не лишним. Сделал ли он хоть что-то подобное?

– Судя по твоим словам, нет, – подал реплику майор Дубко.

– Верно, он ни разу не ходил на рыбалку, хотя удочки имел. За версию со спонтанно принятым решением сбежать за границу говорит и то, что с продавщицей в магазине своими планами он все же поделился. Зачем? Исчезни он просто так, его бы сразу объявили в федеральный розыск хотя бы за одно то, что он работал на режимном объекте. А тут бросил продавщице два слова, прихватил бутылку водки, и можно считать, что алиби себе состряпал.

– Допустим, о побеге он задумался непосредственно в день побега, но что его на это подвигло? Думаешь, ему удалось сделать копию материалов, которые он отдал Кисунько? – высказал предположение Дорохин.

– Именно так думают наши начальники, и я склонен с ними согласиться, – ответил Богданов.

– А мне не верится, что Хустову удалось без подготовки, без поддержки со стороны провернуть такое дело. Украсть микропленки с записями и чертежами системы противоракетной обороны Москвы, вынести пленку из лаборатории, а потом с территории полигона, сбежать, инсценировав собственную смерть, уехать из страны, добраться до Вашингтона, да еще выйти на связь с сотрудником агентства национальной безопасности. Как такое возможно? Он что, в рубашке родился?

– Вот это мы и должны выяснить, – ответил Богданов. – И лично мне такая версия больше по душе, чем та, в которой оказывается, что за спиной Хустова стоит серьезная организация, которая провернула все это его руками. Не хочу узнать, что он всего лишь заложник, которого не уничтожать как врага народа нужно, а спасать из лап международных преступников.

Ответить Богданову никто не успел. В дверь постучали, вошел посыльный и внес на мельхиоровом подносе увесистый пакет. Богданов поблагодарил посыльного, закрыл за ним дверь и только после этого распечатал конверт.

– А вот и наши легенды, – сообщил он. – Давайте, парни, разбирайте материалы, за час нам нужно уложиться.

Все разошлись по разным углам и уткнулись в листы, набранные убористым машинописным текстом. Помимо легенд каждому достался новый заграничный паспорт и рекомендации штатного языковеда относительно экспресс-тренировки для улучшения качества речи на иностранном языке. Подполковнику Богданову досталась роль трудолюбивого германца, неженатого, бездетного, помешанного на своем маленьком магазинчике строительных товаров, который приносил невысокий доход, но позволял держаться на плаву.

Генрих Шульц, на это имя Богданову следовало отзываться, как только он переступит порог гостиничного номера. Фотография в паспорте выглядела натурально, на ней Богданов смотрелся моложе и как-то веселее. Он помнил этот снимок: его сделал фотограф из управления лет пять назад, после очередного задания, когда вся группа была приглашена на грандиозный банкет по случаю юбилея госбезопасности или чего-то в этом роде. Хороший снимок, Богданов он всегда нравился, да и имя Генрих не вызывало напряжения. За час Богданов успел

перечитать текст трижды и выучить его наизусть. Удовлетворенный результатом проделанной работы, Богданов, привлекая внимание остальных, хлопнул в ладоши и громко произнес:

– Итак, господа, сиры, герры, или кто вы теперь, проверим вашу память?

– Я готов, – первым вызвался Коля Дорохин.

– Давай, лейтенант, дерзай.

– Позвольте представиться, месье Кристоф Леруж, мне тридцать два года. Пять лет назад скончался мой дражайший дядюшка, владелец небольших виноградных угодий на юге Франции. Теперь его место занял я и пытаюсь наладить бизнес на свой лад, но пока у меня получается не слишком хорошо. Однако стараниями дядюшки помощники, поставленные им над бизнесом, держат дело на плаву, пока я, набивая шишки, набираюсь ума-разума. В Америку приехал в творческий отпуск, или что-то вроде того. Хочу увидеть мир бизнеса своими глазами. У меня случаются приступы подагры, так как следить за здоровьем я забываю, а в остальном моя жизнь не слишком обременена заботами. Да, еще я владею игрой на фортепиано. Это так, к слову.

– Что с фото? Твой снимок или придется гримироваться? – задал вопрос подполковник Богданов, как только Дорохин закончил.

– Документы высший класс. – Дорохин помахал раскрытым паспортом в воздухе. – Снимок натуральный, никакого грима. Только за акцентом придется следить. Языковед заботливо напомнил мне, что мой французский прононс начинает страдать, как только возникает волнение.

– Другими словами, как только ты видишь симпатичную женщину, то сразу начинаешь заикаться и французский акцент исчезает. А уж если эта симпатичная женщина ответит взаимностью, тут ты и слова французские забыть можешь, – уточнил Казанец.

– Я почти так и сказал, – смеясь, ответил Дорохин. – Ничего, будем надеяться, что за время пребывания в Вашингтоне мне не встретится ни одна француженка, а уж американок своим французским я сумею обвести вокруг пальца.

– Хорошо, месье Кристоф Леруж, с вами закончили. Юра, что у тебя?

– У меня все очень скромно, командир. – Казанец выложил на стол паспорт. – Мистер Джон Уилсон, американец ирландского происхождения. Приехал в Америку на заработки. Работу пока не нашел, нахожусь в поиске. Владею всеми рабочими специальностями, включая строительные. Разбираюсь в электрике, но образования нет. Времени для учебы не нашлось, так как пришлось зарабатывать деньги в семью с четырнадцати лет. Сейчас мне двадцать три.

– Какими языками владеешь?

– Английский с сильным акцентом, на родном, надеюсь, говорить не придется.

– Скорее всего, не придется. В Ирландии с середины девятнадцатого века при общении по большей части используют английский язык. В то время в стране случился большой неурожай, а британское правительство, которое хозяйничало на ирландских землях, свернуло программу помощи местному населению. Результат – из восьми миллионов населения почти половина жителей или уехали в США, или умерли от болезней, – поделился познаниями Коля Дорохин. – Тех, кто говорит на ирландском, осталось очень мало. Правда, акцент у ирландцев все равно зверский.

– То что надо. Если и проколюсь где-то с иностранным языком, все можно списать на ирландские корни, – заметил Казанец.

– Хорошо. Саша, что у тебя?

– Англичанин Томас Грант, уроженец зеленого графства Беркшир, владелец фермерского хозяйства. Тридцать пять лет, фермой владею неполных три года. Получив ренту от отца, решил вложиться в сельское хозяйство. В Америку еду с познавательной целью, хочу изучить особенности ведения фермерского хозяйства в Штатах. Женат, двое детей, но с женой отношения натянутые, так что о ней можно не распространяться.

– Снимок тоже твой?

– Да, на этот раз обойдемся без грима, – ответил Дубко. – Лично меня это радует.

– В нашем аэропорту проблем с документами не возникнет, – перешел к деталям подполковник Богданов. – Но когда прилетим в Германию, будьте готовы к вопросам. В Германии пробудем всего шесть часов, там нас будет ждать человек из посольства. Ему сдаем свои паспорта, оставляем только те, что подтверждают легенду. Он же снабдит необходимой суммой наличных плюс билетами до Парижа. Прилетев в Париж, в кассе получим транзитные авиабилеты до Нью-Йорка. До этого времени мы незнакомы. Для всех наше знакомство состоится на борту самолета. Таким образом, мы сможем поселиться вместе, не вызывая подозрений. Три холостяка и один женатый мужчина, решивший отдохнуть от супружеской жизни.

– То есть в самолете играем игру в знакомства? – уточнил Дорохин.

– Да, Коля, играем в знакомства.

– Но в Германии мы должны встретиться с человеком из посольства. По привычному сценарию? Просто для уточнения.

– Верно, Коля, все по привычному сценарию. – Богданов кивнул, подтверждая предположение Дорохина. – Прилетели в аэропорт Берлина, сходили в туалет на первом этаже. Вторая кабинка для нас. Положили паспорта, забрали деньги и билеты. Очередность установлена по старшинству. Первым иду я, за мной Дубко, за ним Дорохин, Казанец замыкающий. В Париже между рейсами часа четыре, из аэропорта не уходим, так что перевалочные базы не требуются. Вопросы есть?

Вопросов у команды не оказалось, Богданов еще раз пробежал глазами по инструкции, выданной вместе с легендами, удовлетворенно кивнул и отдал приказ:

– Час на отдых, затем спускаемся в фойе. Машина придет к четырем часам, в пять мы должны быть в аэропорту.

* * *

Переброска спецподразделения «Дон» из Москвы в Нью-Йорк прошла как по маслу. В Берлине у сотрудников аэропорта к советским туристам, коими представились члены группы, вопросов не возникло. Сдачу паспортов и получение билетов отработали за тридцать минут, выждали время до посадки и по отдельности прошли регистрацию на рейс. В Париже на стойке регистрации получили нужные билеты и, дождавшись положенного времени, загрузились в самолет. Места всех четверых располагались поблизости, так что сцена знакомства прошла тоже удачно. Дорохин в роли француза Леружа попросил бортпроводницу принести «что-то божественное», подходящее для употребления по случаю приятного знакомства, и та принесла. Сначала некрепкого столового вина, затем, по просьбе «ирландца» Уилсона, требующего называть его Уолш, заявляя, что так звучит ирландский вариант его американизированной фамилии, по две порции неразбавленного виски, а когда «знакомство» переросло в «крепкое мужское братство», мужчины потребовали коньяк, на чем и успокоились.

Выходили они из самолета уже дружной компанией. Быстро прошли процедуру получения багажа, на площадке перед аэропортом сели в такси и велели отвезти их в гостиницу «Астор», как и было оговорено заранее. В гостинице «друзья» расселились в два двухместных номера и сразу отправились на прогулку. Буквально в пятистах метрах от гостиницы, в кафе «Белая лошадь» их должен был ждать человек по имени Гарри. Как сообщил полковник Старцев, этот человек не являлся сотрудником КГБ, а лишь выполнял время от времени мелкие поручения агента Смита, ввиду чего не советовал заводить с ним серьезные разговоры. Войдя в кафе, Богданов сразу увидел того, кого они искали. Невысокий, неброско одетый мужчина сидел в углу за столом, перед ним лежала записная книжка в красном кожаном переплете. Он приветственно помахал рукой, и компания дружно двинулась к его столику.

– Хелло, Гарри! – поприветствовал человека Богданов.

– Хелло, герр Шульц! Как здоровье вашей матери?

– Все в порядке. – Богданов пожал протянутую руку. – Я сегодня с друзьями. Позволь представить их.

Богданов одного за другим представил своих «друзей», после чего Гарри подозвал официанта и заказал пять порций фирменного штруделя с яблоком и корицей.

– Такого вкусного штруделя вы не найдете и в самой Австрии, – нахваливал Гарри выпечку. – Напитки выбирайте на свой вкус, штрудель с любым из них будет хорош.

Рассевшись вокруг стола, мужчины заговорили о погоде, о достопримечательностях Нью-Йорка, об особенностях городской кухни. За столом они просидели около часа, затем Гарри сообщил, что ему нужно в уборную. Богданов хлопнул «друга» по плечу и заявил, что составит ему компанию. Вместе они вышли из общего зала и прошли по узкому коридору до туалета, расположенного в глубине здания. Как только они скрылись от любопытных глаз, Гарри вложил в руку Богданова листок бумаги.

– Сегодня останетесь в городе, а завтра заберете машину, находящуюся по адресу, который я указал. Меня просили передать, что жилье для вас готово, в доме есть все, что может понадобиться для приятного отдыха. Можете пользоваться телефоном, он оплачен. Ключи от машины под ковриком.

– Спасибо, это очень кстати, – поблагодарил Богданов. – Адрес, по которому мы можем остановиться, тоже указан в записке?

– Нет, наш общий друг в целях безопасности рекомендовал оставить записку в машине. Я прикрепил ее в бардачке на верхней панели. Там еще кое-что, что может понадобиться вам по дороге. От себя я положил в машину воду и дорожную карту. Думаю, вам пригодится.

– Спасибо, – еще раз поблагодарил Богданов.

Они разошлись по кабинкам, а через пять минут снова вышли в зал кафе. Спустя некоторое время Гарри начал прощаться.

– Завтра нужно быть на службе, – заявил он. – Отдыхайте, друзья. Наслаждайтесь видами города.

После ухода Гарри Богданов предложил прогуляться по окрестностям, и все дружно двинулись к выходу. Оказавшись на улице, они прошли к ближайшему скверу, устроились на скамейках и только тогда смогли говорить открыто.

– Насколько я могу судить, слежки за нами не было, – первым начал Богданов. – Но предосторожности не помешают. Гарри приготовил для нас автомобиль. Он стоит на платной парковке в трех кварталах от гостиницы. Чтобы не привлекать ненужного внимания, сегодня остаемся в гостинице, сходим в местный ресторан, поедим-попьем, а завтра съедем. Администратору скажем, что едем к другу в пригород.

– Думаешь, нас могут искать? – спросил Дубко.

– Не думаю, просто перестраховываюсь, – ответил Богданов. – Наша задача – сделать переезд в Вашингтон как можно более незаметным. Легенды – это хорошо, но будет лучше, если мы просто растворимся в толпе, тогда и пользоваться легендами особой нужды не будет.

– Этот Гарри, он что-то говорил о деле? – поинтересовался Дорохин.

– Нет, не думаю, что он в курсе. Сказал, что дополнительную информацию оставил в машине, – ответил Богданов.

– Значит, агент Смит свяжется с нами в Вашингтоне? – снова спросил Дубко.

– Пока неизвестно. Возможно, нужно будет позвонить ему из дома, который он для нас приготовил, а может, он сам с нами свяжется, но, думаю, в любом случае придется ждать личной встречи.

– Чует мое сердце, с этими перестраховщиками наше задание затянется не на одну неделю, – разочарованно произнес Казанец.

– Ничего, Юра. Тише едешь – дальше будешь, – подбодрил друга Дорохин. – Смотри на жизнь проще. Сегодня гуляем за счет управления, разве не здорово?

– Не особо губу раскатывай, – усмехнулся Богданов. – Если станем деньгами направо и налево сорить, наверняка привлечем к себе ненужное внимание.

– Вот так всегда, командир. Только человек размечтается, ты сразу радость и подпортишь.

– Ладно, пора возвращаться в гостиницу. Хочу предупредить: с этой минуты переходим на английскую речь вплоть до того момента, пока не сядем в машину. Это особенно тебя касается, Казанец. Ты у нас не любитель на иностранном языке говорить.

– Я понял, командир, никакой русской речи, – заверил Казанец.

– И никакого командира, – напомнил Богданов. – Герр Шульц или Генрих. Кому как больше нравится. Остальных это тоже касается.

В гостинице, как и договаривались, они отправились в ресторан. Заказали ужин со спиртным, но налегать сильно на выпивку не стали. В десять часов вечера разошлись по номерам, а ровно в восемь утра сдали ключи на стойку регистрации. До стоянки добирались пешком, делая вид, что любят городом. Машина, которую оставил для них Гарри, стояла в крайнем ряду, ближе к выезду. Богданов прошел до поста охраны, предъявил паспорт и сообщил, что забирает автомобиль. Охранник записал номер машины, данные паспорта на имя Генриха Шульца и, пожелав счастливого пути, вернулся к просмотру журнала. Погрузив вещи в багажник, бойцы группы «Дон» заняли места в машине. За руль сел Богданов, завел двигатель и выехал со стоянки. Заняв пассажирское кресло около водителя, Казанец открыл бардачок.

– Ого, наш друг снабдил нас очень полезной вещью, – доставая дорожную карту, сообщил он. – Давайте-ка посмотрим, сколько по времени нам добираться до Вашингтона. Какой тут масштаб? Ага, посчитаем. Едем через Филадельфию и Балтимор. Итого двести тридцать километров.

– Не километров, а миль, дурилка картонная. Мы как-никак в Америке, – напомнил Дорохин.

– Точно, здесь измерение в милях идет. Дорохин, переведи в километры, раз ты такой всезнайка.

– Около трехсот семидесяти километров, – ответил Дорохин.

– Значит, доберемся часа за четыре.

– Юра, бросай ерундой заниматься, пошарь в бардачке, там информация от агента Смита, – попросил Богданов.

Казанец открыл бардачок, пошарил в нем.

– Пусто, командир. Никаких бумаг, – объявил он вслух.

– Гарри хотелось поиграть в шпионов, так что записка приклеена где-то сверху на панели, – сообщил Богданов. – Смотри лучше, Юра.

Казанец изогнулся, заглянул внутрь и извлек пакет, завернутый в бумагу.

– Похоже, это нам, – сообщил он, разрывая бечевку, которой был обмотан сверток. – Ага, здесь ключи, две пары. Еще записка. Здесь адрес: Висконсин-роуд, 35. Номера квартиры нет, значит, это частные владения и весь дом в нашем распоряжении.

– Мы должны иметь возможность свободно приходить и уходить, поэтому квартира в густонаселенном районе Вашингтона нам не подходит, – объяснил Богданов.

– Значит, едем на Висконсин-роуд, – попытокнул Дорохин. – По дороге обсуждать что-то будем или можно вздремнуть?

– Спи, лоботряс, – разрешил Богданов. – Доберемся до места, там и будем решать, с чего начать. Саша, ты тоже вздремни.

– А я, командир? – Казанец притворно зевнул. – У меня тоже ночь беспокойно прошла.

– А ты следи за дорогой. Ты у нас сегодня за штурмана. Смотри, чтобы я нужный поворот не пропустил, а то вместо Вашингтона в какой-нибудь Питтсбург уедем.

– Вот так всегда, кто званием младше, на том и едут, – притворно проворчал Казанец, убрал сверток в бардачок, снова открыл дорожную карту и приготовился следить за дорогой.

Вскоре в автомобиле наступила тишина. Дорохин и Дубко мирно посапывали под ровные звуки хорошо отлаженного двигателя. Казанец читал надписи на указателях, а Богданов следил за дорогой. Они благополучно миновали Филадельфию и Уилмингтон. В Абердине остановились на автозаправочной станции, купили в кафе еды навынос и отправились дальше. Они уже подъезжали к Балтимору, когда увидели на дороге автомобиль с поднятым капотом. Водитель, круглолицый мужчина средних лет, выскочил на середину дороги и отчаянно махал руками, умоляя остановиться. Богданов сбавил скорость.

– Что там случилось? – Дубко высунулся из окна, пытаясь разглядеть, есть ли еще кто-то в машине.

– Не знаю, – произнес Казанец, – но мне это не нравится.

– Это всего лишь незадачливый водитель, – проговорил Богданов. – Ничего более.

– Собираешься остановиться? – спросил Дубко. – Не думаю, что хорошая мысль.

– Не давить же мне его, в самом деле, – проворчал Богданов.

А водитель и правда не собирался уходить с дороги. Теперь он уже бежал навстречу их автомобилю и что-то кричал, привлекая внимание.

– Черт, похоже, остановиться все-таки придется, – проговорил Дубко. – Иначе без трупов не обойдется.

– Всем приготовиться, – предупредил Богданов. – Русскую речь забыли!

Он съехал на обочину и заглушил двигатель. Круглолицый мужчина подбежал к машине, встал со стороны водительского кресла и быстро-быстро заговорил. Речь была явно английская, но из-за скорости, с которой говорил мужчина, никто из сидящих в машине поначалу не мог понять ни одного слова, кроме «господа» и «пожалуйста».

– Простите, мистер, – Богданов вышел из машины. – Успокойтесь, прошу вас! Объясните, какие у вас проблемы.

Богданов заговорил на английском, но в его речи слышался явный акцент. Это странным образом успокоило незнакомца. Он облегченно вздохнул и тронул Богданова за локоть.

– Иностранец?

– Немец, – спокойно ответил Богданов. – Генрих Шульц.

– Шульц, – повторил незнакомец. – День добрый, господин Шульц. Я Алонзо. Алонзо Моретти.

– Италия?

– Си, си, италиано! – Мужчина радостно закивал. – Мы с супругой здесь на отдыхе. Вы тоже на отдыхе?

– В некотором роде. – Богданов говорил сдержанно. – Что у вас случилось?

– Моя машина! Маледетти коммерсианти, нон уна машина, ма ин асино! Куло пиено! Полная задница! Проклятые торговцы выдали мне неисправную машину! – используя смачные итальянские ругательства, воскликнул Алонзо. – Мы ехали в Вашингтон смотреть красоты города, и тут двигатель заревел, задымил и заглох! И что теперь нам делать?

– Хотите, чтобы я посмотрел вашу машину? Знаете, я не силен в технике. – Богданов озабоченно нахмурился. – Самое большее, что я смогу, это прочистить свечи.

– Нет, синьор Шульц, господин Шульц, не нужно смотреть нашу машину. Довезите нас до ближайшего города, а там я свяжусь с автостанцией. Пусть разбираются с поломкой сами! Вы же можете нас подвезти?

– Подвезти? – Богданов с сомнением взглянул на итальянца. – Боюсь, у меня в машине не хватит места. Дождитесь другой машины, без пассажиров.

– Нет, нет, не уезжайте! Не бросайте меня, господин Шульц! Мы потеснимся, ваши друзья потеснятся, ведь верно? – Алонзо решительно отодвинул в сторону Богданова и просунул голову в открытое окно водительской двери. – Бонжорно, синьоре! День добрый. Не считите за грубость, но не смогли бы вы потесниться и найти место для меня и моей жены?

– Мистер Моретти, – Богданов силой вытащил мужчину из окна машины, – вам не кажется, что вы слишком усложняете дело? Я вынужден настоятельно рекомендовать вам дождаться другую машину. В чем проблема?

– Другую машину? Другую? Мама миа! Мадонна! Вили американи, маледетти бастарди! Нон аспертарти ауто да лоно!

– Не могли бы вы говорить по-английски? Я ничего не понимаю, – попросил Богданов.

– Си, скуза! Простите! Я говорил, что американцы лишь разглагольствуют о дружбе и взаимовыручке, на деле же никогда не станут помогать незнакомцу на пустынной дороге. А может, и в людном городе не протянут руку помощи, вот почему я так обрадовался, узнав, что вы иностранец.

– Возможно, вы просто не пробовали попросить их о помощи, – начал Богданов, но Алонзо прервал его речь:

– Не пробовал? Да я два часа стою на этой чертовой дороге, и ни один американец даже не остановился!

– Поэтому вы бросились мне под колеса? – догадался Богданов. – Рискованный шаг.

– Я знаю, до вас меня чуть дважды не сбили машиной хваленые американские граждане!

– И вы продолжали бросаться под колеса? Вы отчаянный человек, мистер Моретти.

– У меня нет другого выхода. Моя жена в положении, она не сможет дойти до города пешком, – заявил Алонзо. – Господин Шульц, если вы нам не поможете, дело может закончиться очень плохо!

Моретти схватил Богданова за руку и смотрел на него молящим взглядом. Богданову ничего не оставалось, как согласиться.

– Хорошо, возвращайтесь к своей жене, я постараюсь договориться с друзьями, – пообещал он.

– Вы нас заберете? Правда? Грация, синьор! Спасибо!

Моретти помчался к своей жене, а Богданов вернулся в машину.

– Все слышали? – обратился он к остальным.

– Слышали, – за всех ответил Дубко. – Ситуация у итальянца незавидная, не спорю, но все же тебе не кажется этот шаг опрометчивым? Кажется, мы собирались не привлекать внимания.

– Не оставим же мы беременную женщину на дороге? – пожал плечами Богданов. – И потом, что страшного в том, что мы подвезем их до города? Юра, какой у нас на пути ближайший населенный пункт?

– Абингтон мы проехали, следующий Джопптаун, – сверившись с картой, ответил Казанец. – До него километров десять.

– Отлично. Десять километров мы выдержим, – заявил Богданов, завел двигатель и поехал вперед.

У машины итальянца он остановился. Тот уже выгрузил на дорогу два чемодана и корзину. Его жена все еще сидела в машине. Богданов вышел, открыл багажник, помог итальянцу погрузить багаж.

– Зовите жену, мистер Моретти, – предложил он.

– Да, да, сейчас. – Моретти заглянул в салон. – Простите, господа, мы причиняем вам неудобства.

– Все в порядке, – за всех ответил Дубко.

Моретти как-то странно на него посмотрел, виновато улыбнулся и пошел к машине. Когда из сломанного автомобиля вышла жена Моретти, Дубко понял смысл странного взгляда.

– Парни, да в ней килограммов двести, – не сдержавшись, прошептал Дорохин. – Она нас всех раздавит!

Супруга Моретти оказалась поистине необъятных размеров. Верхняя часть туловища выглядела еще ничего, но ее круглый зад больше походил на воздушный шар, чем на анатомическую часть тела женщины, задуманную природой для соблазнения мужчин. Увидев выражение лица Богданова, который все еще стоял у багажника, Моретти, идущий позади жены, красноречивым жестом закрыл себе рот, моля Богданова о молчании. Но тот не мог молчать, так как понимал, что вместе с синьорой Моретти они в машину просто не поместятся. И все же врожденное чувство такта не позволило Богданову высказать свои опасения при даме.

– Мистер Моретти, позвольте вас на пару слов, – стараясь не смотреть на необъятную жену итальянца, проговорил Богданов.

– Да, да, господин Шульц. Только жену в машину посажу, – прикинувшись дурачком, произнес Моретти и тут же обратился к жене: – Франческа, поторопись, нехорошо заставлять ждать этих милых господ.

Франческа ускорила шаг и вскоре уже пыталась загрузиться в салон автомобиля. Сидевшие на заднем сиденье Дубко и Дорохин вжались в противоположную дверь, но и в этом положении не были уверены, что Франческа уместится на свободной части сиденья. Так и вышло. Франческа села, но как ни старался сеньор Моретти, закрыть пассажирскую дверцу ему не удавалось.

– Проклятье! – прошептал себе под нос Дубко, открыл свою дверцу и буквально вывалился на дорогу.

За ним следом вылез и Дорохин.

– Что случилось, синьоры? – взволнованно воскликнул Алонзо. – Вам нехорошо?

– Минуту, мистер. – Дубко остановил итальянца взглядом. – Я хочу поговорить со своим другом, господином Шульцом.

Дубко схватил Богданова за локоть и отвел подальше от машины.

– Слава, мы не сможем их подвезти. Будь его жена трижды беременна, мы просто физически не уместимся в салоне! – заявил он. – Теперь понятно, почему «проклятые» американцы отказали Моретти в помощи.

– Вижу, Саша, – ответил Богданов. – Но и оставить их на дороге мы не можем.

– Доедем до города и сами позвоним на автостанцию. Они пришлют другую машину, – предложил Дубко. – Или вызовем им такси.

– Хорошо, я с ним поговорю, – пообещал Богданов и направился к машине.

– Что случилось, синьоры? – Моретти продолжал играть роль идиота. – Надеюсь, вы не передумали?

– Сеньор Моретти, как вы видите, есть серьезная проблема, о которой вы умолчали, – корректно понизив тон, чтобы не было слышно жене, проговорил Богданов. – Вы понимаете, что все мы в машине не поместимся?

– Но что же мне делать? Мы не можем оставаться здесь вечно!

– Мы доедем до города и вызовем вам такси, – заявил Богданов.

– Нет, только не это! – вскричал Моретти. – Моя жена беременна, она в любой момент может начать рожать. И что сделает глупый таксист? Он просто выбросит ее на обочину.

– Вы говорите ерунду. Никто вас не выкинет.

– Прошу вас, синьоры! Мы потеснимся, правда, Франческа?

Моретти заглянул в салон, ожидая поддержки от жены, но она не ответила.

– Герр Шульц, – закричал Казанец, который все еще оставался в машине. – Кажется, женщине плохо. Думаю, она потеряла сознание.

Моретти схватил жену за руку и заголосил:

– Франческа, любовь моя, не оставляй меня!

Богданов взглянул на Дубко:

– Саша, вы остаетесь здесь. Ждите в машине итальянца. Мы отвезем их в город, сдадим в больницу и вернемся за вами. Другого выхода нет.

– Поезжайте, командир, – негромко ответил Дубко.

Глава 3

На улицу Висконсин-роуд в Вашингтоне группа «Дон» прибыла около восьми часов вечера. Дом № 35 оказался одноэтажным строением, расположенным на пересечении двух улиц. Окна дома выходили на две стороны, не считая внутреннего дворика, выглядевшего довольно уютным и ухоженным. Богданов припарковался у калитки, дождался, когда бойцы разгрузят багажник, и загнал машину во двор. Майор Дубко отомкнул входные замки и первым вошел в дом. Дорохин и Казанец вошли следом. Богданов задержался на пару минут во дворе, чтобы закрыть машину, после чего присоединился к группе.

Войдя в прихожую, Богданов увидел, что в доме они не одни.

– Здравия желаю, герр Шульц, – приветствовал Богданова мужчина, расположившийся в общей комнате. – Позвольте представиться: мистер Смит, ваш консультант и помощник на ближайшее время.

– Вы меня знаете? – вместо приветствия спросил Богданов.

– До сегодняшнего дня не имел чести, – ответил Смит. – Получил информацию о вашей группе. Думаю, смогу с легкостью назвать каждого из вас.

– Это интересно. Давайте поэкспериментируем, – загорелся Казанец. – Мое имя вам тоже известно?

– О, мистер Уилсон, вас узнать легче легкого. – Смит без ошибки назвал фамилию из легенды Казанца, под которой он должен был фигурировать при выполнении вашингтонской задачи. – Хотя лично я бы выбрал для вас что-то более ирландское. Джордж О’Мэлли, например, или Пáтрик О’Бра́йан. Джон Уилсон слишком уж американизированная версия.

– Прямо в точку, – обрадовался Казанец. – А как насчет этого симпатяги?

Он указал в сторону Коли Дорохина. Тот насупился, желая показать, что недоволен выходкой Казанца. Агент Смит взглянул на него и широко улыбнулся.

– Вы, разумеется, месье Кристиан Леруж. Ваша внешность говорит сама за себя. Скажите, вы разбираетесь во французских винах? Всякий уважающий себя француз обязан знать толк в винах, сыре и... красивых женщинах.

– С последним у меня проблем нет, мистер Смит, – заявил Дорохин. – Только я не Кристиан, а Кристоф.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.